

Антон Чехов

Мститель

Антон Павлович Чехов

Мститель

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22199489

Мститель:

Аннотация

«...Федор Федорович Сигаев вскоре после того, как застал свою жену на месте преступления, стоял в оружейном магазине Шмукс и К^о и выбирал себе подходящий револьвер. Лицо его выражало гнев, скорбь и бесповоротную решимость...»

Антон Павлович Чехов

Мститель

Федор Федорович Сигаев вскоре после того, как застал свою жену на месте преступления, стоял в оружейном магазине Шмукс и К° и выбирал себе подходящий револьвер. Лицо его выражало гнев, скорбь и бесповоротную решимость.

«Я знаю, что мне делать... – думал он. – Семейные основы поруганы, честь затоптана в грязь, порок торжествует, а потому я, как гражданин и честный человек, должен явиться мстителем. Сначала убью ее и любовника, а потом себя...»

Он еще не выбрал револьвера и никого еще не убил, но его воображение уже рисовало три окровавленных трупа, разможенные черепа, текущий мозг, сумятицу, толпу зевак, вскрытие... С злорадством оскорбленного человека он воображал себе ужас родни и публики, агонию изменницы и мысленно уже читал передовые статьи, трактующие о разложении семейных основ.

Приказчик магазина – подвижная, французистая фигурка с брюшком и в белом жилете – раскладывал перед ним револьверы и, почтительно улыбаясь, шаркая ножками, говорил:

– Я советовал бы вам, мсье, взять вот этот прекрасный револьвер. Система Смит и Вессон. Последнее слово огнестрельной науки. Тройного действия, с экстрактором, бьет

на шестьсот шагов, центрального боя. Обращаю, мсье, ваше внимание на чистоту отделки. Самая модная система, мсье... Ежедневно продаем по десятку для разбойников, волков и любовников. Очень верный и сильный бой, бьет на большой дистанции и убивает навывлет жену и любовника. Что касается самоубийц, то, мсье, я не знаю лучшей системы...

Приказчик поднимал и опускал курки, дышал на стволы, прицеливался и делал вид, что задыхается от восторга. Глядя на его восхищенное лицо, можно было подумать, что сам он охотно пустил бы себе пулю в лоб, если бы только обладал револьвером такой прекрасной системы, как Смит и Вессон.

– А какая цена? – спросил Сигаев.

– Сорок пять рублей, мсье.

– Гм!.. Для меня это дорого!

– В таком случае, мсье, я предложу вам другой системы, подешевле. Вот, не угодно ли посмотреть? Выбор у нас громадный, на разные цены... Например, этот револьвер системы Лефоше стоит только восемнадцать рублей, но... (приказчик презрительно поморщился)... но, мсье, эта система уже устарела. Ее покупают теперь только умственные пролетарии и психопатки. Застрелиться или убить жену из Лефоше считается теперь знаком дурного тона. Хороший тон признает только Смита и Вессон.

– Мне нет надобности ни стреляться, ни убивать, – угрюмо солгал Сигаев. – Я покупаю это просто для дачи... пугать воров...

– Нам нет дела, для чего вы покупаете, – улыбнулся приказчик, скромно опуская глаза. – Если бы в каждом случае мы доискивались причин, то нам, мсье, пришлось бы закрыть магазин. Для пуганья ворон Лефоше не годится, мсье, потому что он издает негромкий, глухой звук, а я предложил бы вам обыкновенный капсюльный пистолет Мортимера, так называемый дуэльный...

«А не вызвать ли мне его на дуэль? – мелькнуло в голове Сигаева. – Впрочем, много чести... Таких скотов убивают, как собак...»

Приказчик, грациозно поворачиваясь и семеня ножками, не переставая улыбаться и болтать, положил перед ним целую кучу револьверов. Аппетитнее и внушительнее всех выглядел Смит и Вессон. Сигаев взял в руки один револьвер этой системы, тупо уставился на него и погрузился в раздумье. Воображение его рисовало, как он размозжает черепа, как кровь рекою течет по ковру и паркету, как дрыгает ногой умирающая изменница... Но для его негодующей души было мало этого. Кровавые картины, вопль и ужас его не удовлетворяли... Нужно было придумать что-нибудь более ужасное.

«Вот что, я убью его и себя, – придумал он, – а ее оставлю жить. Пусть она чахнет от угрызений совести и презрения окружающих. Это для такой нервной натуры, как она, гораздо мучительнее смерти...»

И он представил себе свои похороны: он, оскорбленный,

лежит в гробу, с кроткой улыбкой на устах, а она, бледная, замученная угрызениями совести, идет за гробом, как Ниобея, и не знает, куда деваться от уничтожающих презрительных взглядов, какие бросает на нее возмущенная толпа...

– Я вижу, мсье, что вам нравится Смит и Вессон, – перебил приказчик его мечтания. – Если он кажется вам дорог, то извольте, я уступлю пять рублей... Впрочем, у нас еще есть другие системы, подешевле.

Французистая фигурка грациозно повернулась и достала с полок еще дюжину футляров с револьверами.

– Вот, мсье, цена тридцать рублей. Это недорого, тем более, что курс страшно понизился, а таможенные пошлины, мсье, повышаются каждый час. Мсье, клянусь богом, я консерватор, но и я уже начинаю роптать! Помилуйте, курс и таможенный тариф сделали то, что теперь оружие могут приобретать только богачи! Беднякам осталось только тульское оружие и фосфорные спички, а тульское оружие – это несчастье! Стреляешь из тульского револьвера в жену, а попадаешь себе в лопатку...

Сигаеву вдруг стало обидно и жаль, что он будет мертв и не увидит мучений изменницы. Месть тогда лишь сладка, когда имеешь возможность видеть и осязать ее плоды, а что толку, если он будет лежать в гробу и ничего не сознавать.

«Не сделать ли мне так, – раздумывал он. – Убью его, потом побуду на похоронах, погляжу, а после похорон себя убью... Впрочем, меня до похорон арестуют и отнимут ору-

жие... Итак: убью его, она останется в живых, я... я до поры до времени не убиваю себя, а пойду под арест. Убить себя я всегда успею. Арест тем хорош, что на предварительном дознании я буду иметь возможность раскрыть перед властью и обществом всю низость ее поведения. Если я убью себя, то она, пожалуй, со свойственной ей лживостью и наглостью, во всем обвинит меня, и общество оправдает ее поступок и, пожалуй, посмеется надо мной; если же я останусь жив, то...»

Через минуту он думал:

«Да, если я убью себя, то, пожалуй, меня же обвинят и заподозрят в мелком чувстве... И к тому же, за что себя убивать? Это раз. Во-вторых, застрелиться – значит струсить. Итак: убью его, ее оставлю жить, сам иду под суд. Меня будут судить, а она будет фигурировать в качестве свидетельницы... Воображаю ее смущение, ее позор, когда ее будет допрашивать мой защитник! Симпатии суда, публики и прессы будут, конечно, на моей стороне...»

Он размышлял, а приказчик раскладывал перед ним товар и считал своим долгом занимать покупателя.

– Вот английские новой системы, недавно только полученные, – болтал он. – Но предупреждаю, мсье, все эти системы бледнеют перед Смит и Вессон. На днях – вы, вероятно, уже читали – один офицер приобрел у нас револьвер системы Смит и Вессон. Он выстрелил в любовника и – что же вы думаете? – пуля прошла навывлет, пробила затем бронзовую лампу, потом рояль, а от рояля рикошетом убила болон-

ку и контузила жену. Эффект блистательный и делает честь нашей фирме. Офицер теперь арестован... Его, конечно, обвинят и сошлют в каторжные работы! Во-первых, у нас еще слишком устарелое законодательство; во-вторых, мсье, суд всегда бывает на стороне любовника. Почему? Очень просто, мсье! И судьи, и присяжные, и прокурор, и защитник сами живут с чужими женами, и для них будет покойнее, если в России одним мужем будет меньше. Обществу было бы приятно, если бы правительство сослало всех мужей на Сахалин. О, мсье, вы не знаете, какое негодование возбуждает во мне современная порча нравов! Любить чужих жен теперь так же принято, как курить чужие папиросы и читать чужие книги. С каждым годом у нас торговля становится всё хуже и хуже – это не значит, что любовников становится всё меньше, а значит, что мужья мирятся со своим положением и боятся суда и каторги.

Приказчик оглянулся и прошептал:

– А кто виноват, мсье? Правительство!

«Идти на Сахалин из-за какой-нибудь свиньи тоже не разумно, – раздумывал Сигаев. – Если я пойду на каторгу, то это даст только возможность жене выйти замуж вторично и надуть второго мужа. Она будет торжествовать... Итак: *ее* я оставляю в живых, себя не убиваю, *его*... тоже не убиваю. Надо придумать что-нибудь более разумное и чувствительное. Буду казнить их презрением и подниму скандальный бракоразводный процесс...»

– Вот, мсье, еще новая система, – сказал приказчик, доставая с полки дюжину. – Обращаю ваше внимание на оригинальный механизм замка...

Сигаеву, после его решения, револьвер был уже не нужен, а приказчик между тем, вдохновляясь всё более и более, не переставал раскладывать перед ним свой товар. Оскорбленному мужу стало совестно, что из-за него приказчик даром трудился, даром восхищался, улыбался, терял время...

– Хорошо, в таком случае... – забормотал он, – я зайду после или... или пришлю кого-нибудь.

Он не видел выражения лица у приказчика, но, чтобы хотя немного сгладить неловкость, почувствовал необходимость купить что-нибудь. Но что же купить? Он оглядел стены магазина, выбирая что-нибудь подешевле, и остановил свой взгляд на зеленой сетке, висевшей около двери.

– Это... это что такое? – спросил он.

– Это сетка для ловли перепелов.

– А что стоит?

– Восемь рублей, мсье.

– Заверните мне...

Оскорбленный муж заплатил восемь рублей, взял сетку и, чувствуя себя еще более оскорбленным, вышел из магазина.